

“Кто сеет щедро, тот щедро и пожнёт”

Газета прихода
Спасо-Парголово́вской церкви

СПАСО-ПАРГОЛОВСКИЙ ЛИСТОК

№ 10 (94) 2017

Выходит с 2009 года

В НОМЕРЕ:

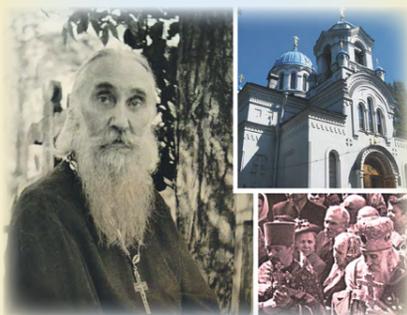
О том, как отметили день рождения клуба наши Ратоборцы, читайте **на стр. 2**

Праздник Фонариков – в материале **на стр. 3**

Летние приключения краеведов (окончание) – **стр. 4**

К 50-летию со дня кончины прот. Владимира Шамонина – статья Олега Куликова **на 8-ой стр.**

О Парголово́вских финнах – материал, подготовленный Ириной Кузиной читайте **на 12-ой стр.**

ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК НАШЕГО ХРАМА

Митрополит Сурожский Антоний

Проповедь в день памяти святителя Николая Чудотворца

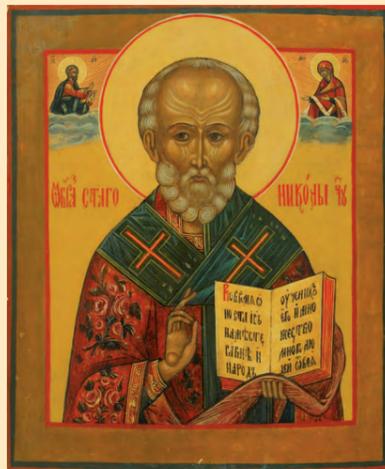
Мы празднуем сегодня день смерти святителя Николая Чудотворца. Какое это странное совмещение слов: праздник о смерти... Обычно, когда кого-нибудь застигнет смерть, мы тоскуем и плачем об этом; а когда умрёт святой — мы об этом ликуем. Как же это возможно?

Возможно это только потому, что когда умирает грешник, у остающихся тяжело лежит на сердце чувство, что настало время разлуки, хотя бы временной. Как бы ни была крепка наша вера, как бы надежда нас ни окрыляла, как бы мы ни были уверены в том, что Бог любви никогда окончательно не отделит друг от друга тех, которые любят друг друга хоть несовершенной, земной любовью — все-таки остается грусть и тоска о том, что мы не увидим в течение долгих лет лица, выражения глаз, святящихся на нас лаской, не прикоснёмся к дорогому человеку благоговейной рукой, не услышим его голоса, доводящего до нашего сердца его ласку и любовь...

Один из древних отцов Церкви, святой Ирины Лионский говорит: слава Божия — это человек, до конца ставший Человеком... Святые являются такой славой для Бога; глядя на них, мы изумляемся тому, что Бог может совершить над человеком.

И вот, мы радуемся в день смерти того, кто на земле был небесным человеком, а войдя в вечность, стал для нас предстателем и молитвенником, не отлучившись от нас, оставаясь не только таким же близким, становясь ещё более близким, потому что мы делаемся близкими друг другу по мере того, как делаемся близкими, родными, своими Живому Богу, Богу любви. Радость наша сегодня так глубока! Господь на земле пожал, словно зрелый колос, святителя Николая. Теперь он торжествует с Богом, на небесах; и как он любил землю и людей, умел жалеть, сострадать, умел окружить всех и встретить каждого изумительной ласковой, вдумчивой заботой, так и теперь он молится о нас всех, заботливо, вдумчиво.

Когда читаешь его жизнь, поражаешься, что он не только о духовном заботился; он заботился о каждой человеческой нужде, о самых скромных человеческих нуждах. Он умел радоваться с радующимися, он умел плакать с плачущими, он умел утешить и поддержать тех, кому нужно было утешение и поддержка. И вот почему народ, мирликийская паства его так полюбила, и почему весь христианский народ так его чтит: ничего нет слишком ничтожного, на что он не обратил бы внимание своей творческой любви. Нет ничего на земле, что казалось бы недостойно его молить и

недостойно его трудов: и болезнь, и беднота, и обездоленность, и опозоренность, и страх, и грех, и радость, и надежда, и любовь — всё нашло живой отклик в его глубоком человеческом сердце. И он нам оставил образ человека, который является сиянием Божией красоты, он нам в себе оставил как бы живую, действующую икону подлинного человека.

Но оставил он нам её не только перед Богом в последний час, отдав Ему душу радостно, словно возвращаясь в отчий дом. Когда я был юношей, мой отец мне раз сказал: научись в течение твоей жизни так ожидать смерть, как юноша трепетно ожидает прихода своей невесты... Вот так ждал и святитель Николай часа смертного, когда раскроются смертные врата, когда падут все узы, когда вспорхнёт душа его на свободу, когда ему дано будет лицезреть Того Бога, Которому он поклонялся верой и любовью. Так и нам дано ждать — ждать творчески, не ждать оцепенело, в страхе смерти, а ждать с радостью того времени, той встречи с Богом, которая нас сроднит не только с Живым Богом нашим, со Христом, ставшим человеком, но и с каждым человеком, потому что только в Боге мы делаемся едины...

Он нам оставил образ и того, как умирать, как созреть, как встать перед Богом в последний час, отдав Ему душу радостно, словно возвращаясь в отчий дом. Когда я был юношей, мой отец мне раз сказал: научись в течение твоей жизни так ожидать смерть, как юноша трепетно ожидает прихода своей невесты... Вот так ждал и святитель Николай часа смертного, когда раскроются смертные врата, когда падут все узы, когда вспорхнёт душа его на свободу, когда ему дано будет лицезреть Того Бога, Которому он поклонялся верой и любовью. Так и нам дано ждать — ждать творчески, не ждать оцепенело, в страхе смерти, а ждать с радостью того времени, той встречи с Богом, которая нас сроднит не только с Живым Богом нашим, со Христом, ставшим человеком, но и с каждым человеком, потому что только в Боге мы делаемся едины...

Я уже сказал нечто о своем отце; простите — я скажу ещё одно личное. Моя мать три года умирала; она это знала, потому что я это сказал ей. И когда смерть вошла в нашу жизнь, она жизнь преобразила тем, что каждое мгновение, каждое слово, каждое действие — потому что оно могло быть последним — должно было быть совершенным выражением всей любви, всей ласки, всего благоговения, кото-

рые между нами были. И вот три года не было мелочи и не было крупных вещей, а было только торжество трепетной, благоговейной любви, где всё сливалось в великое, потому что и в одном слове можно заключить всю любовь, и в одном движении можно выразить всю любовь; и это должно быть так.

Святые это понимали не только по отношению к одному человеку, кого они любили особенно ласково и на протяжении каких-то малых лет, на которые у них хватало духа. Святые умели так жить в течение целой жизни, изо дня в день, из часа в час, по отношению к каждому человеку, потому что в каждом они видели образ Божий, живую икону, но — Боже! — порой такую осквернённую, икону такую изуродованную, которую они созерцали с особенной болью и с особенной любовью, как мы созерцали бы икону, затоптанную в грязь перед нашими глазами. А каждый из нас грехом своим затаптывает в грязь образ Божий в себе.

Подумайте над этим. Подумайте над тем, как славна, как дивна может быть смерть, если только мы проживем жизнь, как святые. Они — подобные нам люди, отличающиеся от нас только смелостью и горением духа. Если бы мы подобно им жили! И как богата могла бы быть для нас память смертная, если вместо того, чтобы называться, на нашем языке, страхом перед смертью, она была бы постоянным напоминанием, что каждое мгновение есть и может стать дверью в вечную жизнь. Каждое мгновение, исполненное всей любовью, всем смирением, всем восторгом и крепостью души, может распахнуть время к вечности и нашу землю сделать уже местом, где явлен рай, местом, где живет Бог, местом, где мы едины в любви, местом, где всё дурное, мёртвое, тёмное, грязное побеждено, преображено, стало светом, стало чистотой, стало Божественным.

Дай нам Господь вдуматься в эти образы святых, и не друг друга, даже не себя спрашивать о том, что же делать, а обратиться прямо к ним, к этим святым, из которых некоторые были поначалу разбойниками, грешниками, людьми страшными для других, но которые сумели величием души воспринять Бога и вырасти в меру возраста Христова. Станем их спрашивать... Что с тобой случилось, отче Николае? Что ты сделал, как ты раскрылся силе Божественной любви и благодати?... И он нам ответит; он своей жизнью и своей молитвой сделает для нас возможным то, что нам кажется невозможным, потому что сила Божия в немощи совершается, и всё нам доступно, всё нам возможно в укрепляющем нас Господе Иисусе Христе.

Аминь.